

И.Н.Макаров

**След волка
и
другие
рассказы**

18+

Игорь Макаров

След волка и другие рассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Макаров И. Н.

След волка и другие рассказы / И. Н. Макаров — «ЛитРес: Самиздат», 2010

ISBN 978-5-532-04561-3

Жанр этой писульки я затрудняюсь определить. Это боевик с элементами приключения и фантазии, но замешанных на таком кондовом реализме, что вызывает во мне некоторую растерянность. В сущности это не рождённый роман, но для романа там всё криво и косо. Дай бог душа ляжет, а бог укажет дорожку, куда дальше топтать. Да прототипов у героя не ищите - их просто нет.

ISBN 978-5-532-04561-3

© Макаров И. Н., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Несколько слов от автора	5
Кюйсун или Улыбка волка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Несколько слов от автора

В сущности это не окончанный роман. Точнее он почти родился, но до настоящего времени как-то не оформился в окончательном виде. Нет начала, хотя намётки на какой-то конец вроде бы и есть. Жизнь покажет, что из того выйдет. Ко всему прочему я больше поэт, чем прозаик, потому мои романы, по примеру Лермонтова, это скорее цикл рассказов, чем романы Толстого. Ко всему прочему для меня душевные копания Пьера Безухова есть такая бредятина недалёкого человека, поскольку жизнь меня приучила к принятию быстрых и разумных решений, иначе бы я давно щёлкнул хвостом или нарезал дуба, что описывать их для меня весьма тоскливое занятие, даже контр продуктивное. Кстати, сей герой плохо кончил. Может быть из-за своей шизы?

Я почти уверен, что почитатели таланта Толстого меня смешают с грязью, но сие их дело. Они же наивно верят, что в Африке живут афроафриканцы, поскольку в США обитают афроамериканцы. Чувствуется, что ЕГЭ они сдали на отлично.

Но вернёмся к нашим баранам, то есть к сей писульке. Жанр я не берусь её установить. Вроде бы это и боевики, и приключенческие рассказы, с вкраплением фантастики, но замешаны они на таком кондовом реализме, что дальше некуда.

Для искателей разного рода прототипов добавлю: их в жизни никогда не было и даже близко, – система таких сжирает не морщась, и ещё, как говорится, не пытайтесь повторить написанное в жизни и проверять мои слова на практике, если жизнь вам дорога хотя бы как память.

Кюйсун или Улыбка волка

Не верьте волку, когда он улыбается, – он просто показывает зубы.

Неясный шорох шагов и удары чем-то железным по мерзлому грунту, послышались впереди на дороге. Что-то высокое и лохматое, похожее на человека, замерло на обочине и, затем, присев и покопавшись, бесшумно и осторожно двинулось на шум. Это не был ни йете, ни снежный человек, ни одичавший бомж. Это был Кюйсун, что в переводе с удэгейского значит чёрт, нечистый. Но это был не нечистый, а человек. То, что он сейчас делал, было интересно и, может быть, неестественно, но было вполне осязаемо и человеческие деянья вполне подходили под эту статью. Он не просто копался на дороге, а одевал на ноги обувь, точнее нечто похожее на носки, только сшитые из лохматой собачьей шкуры шерстью наружу похожие скорее на детские пинетки, которые затягивались сзади на кожаные ремешки. При ходьбе шерсть глушила шаги, и человек их не слышал в десяти метрах. Охотники раньше использовали для этого плетеные чулки из лошадиных волос, но в свое время Кюйсун не нашел лошадиных волос, да и вязать за свою долгую жизнь он так и не научился. Так что ему приходилось пользоваться этим заменителем чулок, сшитым из собачьей шкуры. Данные пинетки были не столь долговечны и не на столько бесшумны, как чулки из волос лошади, но это не сильно его смущало, так как человек, по сравнению со зверем, был слеп и глух, и на пяти метрах не видит и не слышит того, что зверь видит и слышит на ста метрах.

Никто до этого дня здесь, в Чечне, не подозревал о его появлении. На нём была одета кухлянка-одежда северных народов, и потому в кромешной темноте он казался лохматым. Правда, кухлянка была сшита не из оленьих шкур, как обычно шьют их аборигены севера, а из собачьих, что делала её более лохматой, чем оригинальная. Кроме всего прочего, на нём были одеты настоящие унты, но не собачьи, а из оленьего камуса, меховые штаны, из той же собаки, что делало его ещё более похожим в темноте на зверя. Он был вооружен бесшумной снайперской винтовкой с ночным прицелом, кроме того, у него под одеждой был одет ремень с пистолетом и охотничий нож. Пистолет был, конечно, обычный, хотя и очень надежный и множество раз проверенный – обыкновенный армейский ПМ, но нож был отменной ручной работы и им чёрт, живя до командировки в Чечню в Приморье, запросто разделявал без правки кабанов и прочую живность, что попадала ему на мушку. Конечно, нож не был боевым ножом-финкой, но заточка его вполне отвечала целями войны, если добавить, что этот нож он не собирался использовать как боевое оружие, то в хозяйстве, особенно таком немудрящем, которым было его хозяйство, подобный нож был необходим. Кроме этого ножа, у него был ещё небольшой перочинный ножик, которым он открывал банки, но к этому ножу он привык и прошёл с ним не один десяток тысяч километров и был у него вроде талисманом. Просто люди и вещи срываются и становятся их частью, такой частью был и этот нож. Он был ещё дорог и тем, что его сделал ему брат много лет назад.

Он двигался так, словно скрадывал козу или иного зверя. Шаг, другой и остановка, хотя знал, что это не зверь, и к человеку в темноте можно подойти вплотную и тот ничего и не услышит. Но он действовал так по привычки. Он подошёл к чеченцам шагов на двадцать и поднял винтовку. Через ночной прицел хорошо просматривалось две неясные фигуры, согнувшиеся над полотном дороге. Один из них был значительно крупней и выше, а второй, вероятно, был или подростком, или маленькой женщиной. Он тихонько щёлкнул тумблером подсветки прицела и выцелил мужчину в грудь, но тут услышал впереди по ходу шаги. Шёл ещё один человек, тяжело шаркая ногами. Видимо он что-то нёс на спине, так как держал правую руку на уровне плеча и склонялся набок, что было хорошо видно через прицел. Когда шедший поравнялся со всей группой, послышался неясный хлопок выстрела и лязг автоматически перезаряжающегося затвора винтовки, но находящиеся на дороге этого не услышали, так как убитый выронил

свой груз и стал довольно шумно заваливаться. Следующий выстрел свалил мужчину, который, не поняв причину падения своего приятеля, стал выпрямляться, чтобы подойти к нему. Подросток, а это был именно подросток, тоже не успел ничего понять и просто опомниться, когда его схватила за шиворот сильная, но не грубая рука. Схвативший тотчас обшарил его и, не найдя ничего опасного: ни ножа, ни пистолета – приставил к его виску дуло ПМа. Лязг курка по бойку для малолетнего героя этой драмы показался громом выстрела, и он на ватных ногах завалился на уже подмерзшую дорогу, потому что его отпустили держащие за шиворот руки.

Кюйсун вставил в пистолет обойму, которую вытащил перед тем, как припугнуть маленького террориста, и засунул в кобуру под свою странную одежду. Подняв два автомата, что валялись рядом с убитыми, осторожно двинулся в ту сторону, откуда пришёл носильщик. Отойдя на расстояние, достаточное для того, чтобы его не видел подросток, чёрт закинул оружие в куртину тростника, что торчала рядом с обочиной, и пошёл дальше. В метрах пятидесяти был поворот направо, на грунтовку, он свернул на просёлок и скоро увидел в кустах стоящую "Ниву". Остановившись, он прислушался, но звук не выдал присутствие кого-либо. Осторожно подкравшись к машине сзади, он заглянул в кабину. Она была пуста. Тогда он, не опасаясь, обошёл её кругом и направился на дорогу, где и снял свои странные приспособления для бесшумной ходьбы.

Утром саперы, проверяющие полотно дороги, нашли двух убитых мужчин и полумертвого от страха и холода пацана. Рядом валялся ста пятидесяти миллиметровый снаряд, запал, подъехавшие следаки нашли недалеко два автомата и машину "Нива" белого цвета. Допрос пацана ничего не дал. Он только испуганно твердил одно: "Чёрт убил моего папу и чуть не убил меня! Он хотел выстрелить мне в голову из пистолета, но у него пистолет не выстрелил", – и снова одно и то же.

Так начиналась эта странная легенда о призраке, явившемся в Чеченских горах, в первую Чеченскую войну. Несвязанного, казалось, с какими-то структурами ни гражданскими, ни силовыми, действующего автономно, не оставляющего следов, и редко попадавшего посторонним на глаза. Говорили, что он показывается только тем, кому хочет. Хотя реальная история была несколько иной, и о ней мало кто знал до конца, кроме, пожалуй, одного человека.

Она началась месяцем ранее. Ничего не предвещало появление этого странного человека на трассе в Чечне, если бы ни случайный разговор одного из саперов с только что приехавшими на блокпост офицерами одной из частей.

Солдатик срочной службы, только что вернувшийся из своего очередного утреннего обхода трассы, подошёл к блокпосту, где и отирались данные служители Марса, попросил закурить и, в сердцах, стал ругаться на чеченцев, которые каждый день минируют трассу.

– А что этих минеров нельзя выбить? – спросил его старлей довольно молодой, со спокойным красивым лицом и умными, твердыми, холодноватыми глазами.

– Они же ночью лезят, а, поди, их там поймай? – сказал сапер и отошёл.

– Если сильно захотеть, то перещёлкать их можно запросто, – никому не обращаясь, сказал старлей.

– Вот ты бы и выбил их, – насмешливо сказал майор Иваненко, командир батальона. – Чай очко жим-жим ползать по ночи и караулить чеченов, а сам туда же.

Он, мягко говоря, недолюбливал этого слегка высокомерного новичка, недавно переведенного к ним из другой части, и не преминул воспользоваться случаем поставить того на место. Майор не нравилось в этом старшем лейтенанте какое-то особенное спокойствие и хладнокровие, какая-то внутренняя уверенность и какая-то тайна, что таилась где-то глубоко в его глазах. Он чувствовал в нем силу и превосходство. Тем более в боевых условиях эти качества выводили его на первые роли в батальоне, хотя он даже не был ротным. К нему обращались и солдаты и офицеры, он всегда давал дельные советы и никому не отказывал в помощи, делая своё дело без суеты и спешки, словно бы над ним не ходила смерть, как и над всеми ими.

Он постепенно и незаметно забирал реальную власть в батальоне, не сильно-то напрашиваясь ни на звания, ни на должности. Поговаривали, что он нагрубил генералу, и его отправили в Чечню в отместку, понизив его в должности и звании. Хотя на должности он не рвался, а ныне командовал ротой, так как всех офицеров в данной роте выбили.

– Если бы у меня была бесшумная снайперская винтовка с ночным прицелом, то я бы это сделал, – неожиданно так же хладнокровно ответил тот.

– Ты случайно не рехнулся? – переспросил опешивший майор.

– Нет, но я бы это сделал без особых проблем, но, конечно бы, не всех выбил, но крови бы попортил им, хотя башку здесь потерять запросто, – продолжил старший лейтенант, скорее размышляя вслух и не обращая особенно внимания на майора.

– Ты в себе? – вмешался в их разговор капитан, находившийся рядом. – Тут профи со всей России, а ты, сопля, без года неделя в армии и из себя корчишь Рембо.

– Капитан, – так же спокойно и бесстрастно ответил старший лейтенант, особенно налегая на вы. Его звали Андрей, – извините, но вы не полезешь к чёрту в пасть без особенной надобности, да и сильным вы себя чувствуешь только в толпе и не станете спать на снегу и скрадывать в ночи чеченцев. Вы человек города, а я всё детство провел в лесу, и отец меня ещё пацаном зимой таскал по тайге, – так же спокойно и хладнокровно продолжил говоривший. – Я уверен, что вы ни разу не кормил комаров на солонцах и не проходили десятки километров по следам коз и кабанов, которые в лесу себя чувствуют лучше любого самого отмороженного боевика.

– Ты что предлагаешь мне пойти с тобой? – взъерепенился обозленный капитан.

– Я вас не возьму.

– Чем же я так тебе не угодил? – обиженно и зло спросил кэп. Желваки на его скулах заиграли, и губы зло вытянулись в одну струнку. – Или ты думаешь, что я подготовлен хуже тебя? Я уже десять лет в армии, а ты, на сколько я знаю, в армии только срочную в офицерах двухгодюшниках отирался, а потом подписал контракт. Сопляк!

– Я бы в армию никогда бы и не пошёл, если была бы другая работа. Для меня армия мало интересна, если она не воюет. А насчет твоей хваленой подготовки: у тебя нервы не совсем в порядке и руки работают быстрее и раньше головы, да и твои теоретические знания – есть суть теория, которую нужно привязывать к жизни, особенно если времени и сил порой на это не хватает. – И насмешливо добавил. – Не суй свою голову туда, куда собака кое-что не совала. Это бесплатный совет.

Капитан схватил за грудки полу – лежащего старлея и приподнял его почти на полметра.

– Я тебя удавлю, гнида! – брызгая слюной, прошептал он деревянными от злобы губами.

– Положи туда, где взял, – столь же насмешливо и спокойно глядя ему в глаза, сказал старлей. – Тебе надо не воевать, а дома детишек нянкать и бабу мацать по углам.

– Хорош, мужики, – вмешался Иващенко, видимо вспомнив свой командирский долг, – вы ещё подерётесь, – и, дождавшись когда капитан опустит старлея на скамейку, с которой тот его стащил, – а ты, гадёныш, пойдешь у меня чеченов караулить по дорогам, коль ты такой храбрый.

Старлей насмешливо молчал.

– Что, очко играет? – саркастически улыбаясь, спросил капитан.

– У меня нет винтовки и одежды, в которой можно спать на снегу. Таскать на себе спальные мешки и палатки – это дело капитана. У него к заднице унитаз прикручен, а мне нужна экипировка и соответствующее оружие. На снегу в кроссовках не спят.

– Ты у меня действительно пойдёшь чеченов караулить, – выдал взбешенный майор.

– "Где нам, дуракам, чай пить?" – ответил старший лейтенант словами Чаадаева.

Этот бы спор остался лишь в исторических анналах батальона, если бы остался совсем. Может быть, его запомнили конфликтующие или скоро забыли, но неожиданно эта сора имела продолжение..

А продолжением был разговор, что состоялся через неделю.

Разговор этого несколько высокомерного старшего лейтенанта, с майором из ФСБ.

– Что ты действительно знаешь, как выбить тех, кто минировать трассу? – спросил недоверчиво майор, с некоторой насмешкой.

Майора звали Сергей Викторович Левченко. В его прямые обязанности входило борьба и с теми, кто по ночам минировать дороги. Когда к нему пришел Иващенко с предложением ночного патрулирования дороги одним зазнавшимся старлеем, он не сильно поверил в эту затею, но, на всякий случай, пригласил на разговор этого парня, со слабой надеждой, что услышит что-нибудь путевое от него.

– Это, возможно, сделать, но опасно и весьма рискованно, – подтвердил свои слова Андрей своим обычным спокойным голосом.

– И как же ты это собираешься делать? – майор был достаточно умён, чтобы выслушивать всех подряд и извлекать идеи даже из того дерьма, в котором ему приходилось ковыряться всю жизнь. Вероятно бы, он так и остался бы рядовым бойцом спецназа, если бы ни это его качество... и упорство.

– Тут есть один способ: ночное выслеживание со снайперской винтовкой с ночным прицелом, – спокойно, не вдаваясь в подробности, лаконично ответил старлей. Он был не в духе и мало верил, что эта затея что-либо стоит и, потому, не сильно и напирал, не проявляя особого энтузиазма в развитии своей идеи. Ему было лень это делать, да и лезть к чёрту в пасть и одному, он не особенно и горел желанием.

– Если ты выйдёшь дальше блокпоста вечером, то там и останешься, но только тяжелее на девять грамм, – резонно заметил майор, прощупывая этого спокойного, молчаливого молодого человека. Для него эта мысль казалась абсурдной, но он хотел просто разобраться во всём, что думает этот довольно странный человек. Впрочем, он ему нравился, он даже ненароком подумал о том, что не хотел бы иметь во врагах этого человека.

– Нет, легче на двести девяносто – столько примерно весит наша бессмертная душа, – и чуть помедлив, добавил. – Правда, можно и не выходить по вечерам, если жить на трассе.

– И как же ты собираешься на ней жить?

– Булка хлеба на день и пара банок консервов, сверх этой булки, вполне хватит для поддержания жизни человеческой. Паёк вполне уместится в вещмешке или пакете, который можно выбросить на ходу на обочину дороги в условленном месте. Это о снабжении. Одежда нужна, конечно, особенная. Примерно такие носят чукчи и якуты кухлянки. Можно сшить их из собачьих шкур. Штаны тоже нужны меховые. Унты, но не собачьи, какие шьют наши мужики, а настоящие из камуса.

– Где же взять этих собак?

– Собак-то можно настрелять, только не сильно лохматых и не черных, и не белых – сложнее их выделать и сшить одежду.

– Сшить-то я найду где... – задумчиво сказал майор. – Ладно, иди, служи. Я подумаю над твоим предложением. А как связываться, ведь ты же не собираешься таскать на спине рацию?

– Хватит и мобильника, но лучше спутниковую связь, но звонить буду только я или в условленное время.

– А если мне срочно потребуется?

– Я, думаю, можно, но лучше только в оговоренное время.

– Почему ты не хочешь взять с собой кого-нибудь?

– Двое более уязвимы, да и не так много у нас охотников, что станут торчать в горах безвылазно много дней, а тем более без телевизора. – И подумав, старлей добавил. – Чтобы ходить с кем-нибудь в разведку, надо сжевать с ним пудик соли хотя бы...

Старлей не придавал особого значения этому разговору. Основа для этого мероприятия была чересчур зыбкой и дальше трепотни, по его мнению, не должна была уйти. Он отлично понимал, что это интриги комбата и бывших иже с ним.

Майор Левченко доложил своему начальству об этом разговоре случайно, просто ему было нечего сказать на очередном докладе у полковника, а тот, как всегда, требовал успешных действий и свежих идей. Полковник задумался и спросил:

– Ты просматривал его личное дело?

– Да, в нем ничего особенного: учился, после школы закончил институт, работал по специальности, женился. Развелся и уехал к отцу, так как некуда было податься... Ещё торчал без работы месяца три, а потом пошёл в армию. Детям пять и три года, он постоянно помогает семье. Так: страстный охотник, все субботы и воскресения пропадает в тайге, приличный стрелок. Пока всё. В Чечню напросился сам, но, скорее всего, из материальных соображений и семьи. Мне порекомендовал его майор Иващенко, но видимо из-за личной неприязни.

– Ты с ним разговаривал лично?

– Да, производит приятное впечатление, но несколько замкнут, но обстоятельный мужик.

– Нам обещают новые разработки против радио фугасов, но это когда будет ещё и поступит ли столько сколько надо. Попробуй ты этого старшего лейтенанта, коль напрашивается, подбери к нему пару.

– В общем-то, он не напрашивается, но и не отказывается, только напарника брать не хочет.

– Почему?

– Видимо он одиночка и не любит связываться с незнакомыми людьми. Говорит о пудах соли, но это так – для отмазки.

– Ладно, попробуй, но пусть он будет осторожен, может, что и выйдет, – полковник Фоменко был старым оперативным работником и особенно не надеялся на успех этой операции, но понимал, что можно при случае поставить галочку в очередном отчете, о том, что организовали ночное патрулирование опасных участков дороги, в целях выявления и предотвращения минирования этих самых дорог.

Спустя несколько дней после этого разговора, старший лейтенант был откомандирован в распоряжение ФСБ, и с того момента никто ничего о нём не слышал.

Врач долго ощупывал Андрея, заставлял делать то простые движения, то несложные упражнения, то проверял реакцию на свет и ещё что-то, в чём он почти не разбирался. Затем он записывал наблюдения в тоненькую тетрадь и снова заставлял что-то делать. Он возился с ним больше часа, изредка одобрительно хмыкал и удивленно вскидывал брови или хмурился. Забавный старичок понравился Андрею. Они во время обследования коснулись многих вопросов, начиная с литературы и искусства, политики, женщин, охоты, войны, отношения с начальством. Андрей отвечал охотно, даже не соглашался с ним и довольно мирно оспаривал точку зрения доктора, впрочем, подозревая подспудно двойное дно этих разговоров. Затем провёл многочасовое тестирование, где Андрею пришлось заполнить множество анкет, в которых была намешана всякая мура. Он был знаком с этой методикой, но в тонкости сильно не вникал.

Вечером врач представил свои выводы в письменном виде Левченко. Выводы были если не восторженные, то во многом хвалебные. Были отмечены редкие природные данные Андрея: острый ум, интеллект явно выше среднего уровня, широкий кругозор и начитанность, великолепные физические данные: эластичные мышцы гимнаста, уравновешенная и крепкая психика, хорошая реакция на раздражители, великолепные зрение и слух, обоняние, правда, были

ближе к среднему уровню, на что, впрочем, внимание не акцентировалось. Отмечалась хорошая память. Были ещё какие-то медицинские выводы, на которые неосведомленное в них начальство просто не обращает внимание. Доктор отметил, что инстинкты его близки не к человеческим инстинктам, а к инстинктам зверя. Например, болевой порог его был очень низкий. Он выносил боль, которую не вынес бы обыкновенный человек, просто умерев от шока. Отличался очень большой выносливостью, что была, по мнению доктора, скорее природной, чем приобретенной. Опытный доктор даже предположил в нём война от бога, способного к убийству.

Инструктора спецназа были более строги к нему, но отметили также хорошую стрелковую подготовку и крепкие нервы, редкую выдержку и... необщительность, отбраквав его по этому признаку, как перспективного спецназовца. Кроме всего прочего, они сообщили, что он перессорился со многими инструкторами и даже с одним подрался.

Через два дня состоялся разговор Фоменко с генералом.

– Ну, как там твой проект с этим скороспелым фсбешником? – спросил насмешливо генерал, рассматривая сквозь прищур глаз сосредоточенного и немного злого в этот день полковника.

– На редкость любопытный тип, – ответил Фоменко, зачем-то перебирая бумаги, пока не добрался до рапортнички Левченко и не выудил её из стопки бумаг. – Вот майор Левченко докладывает.

Генерал взял бумагу, прочёл её и задумался.

– Ладно, попробуй его в деле. Погибнет, спишем на потери армии, получится что – флаг ему в руки. Курировать будет майор Левченко, коль отыскал его, – коротко отрезал генерал, внутренне собираясь и становясь суровой и жестче прямо на глазах. – Будут результаты – доложите. – И уже совсем изменившись, перескочив мыслью на неотложные дела, отрешенно сказал полковнику, собирающему свои бумажки. – Вы свободны, Геннадий Николаевич.

Генерал пожал крепкую руку полковника и тотчас уткнулся в срочные документы, которых у него было тоже предостаточно.

Таким маловероятным и малопонятным способом, вопреки всякой логике, на дорогах Чечни возник этот странный призрак, о котором заговорили позднее многие.

Машина оставила Андрея на одном из поворотов трассы, на которой он должен был торчать ближайшие ночи. Майор определил место, где ему будут оставлять продукты. Это был съезд с дороги, куда сваливали мусор военные и некоторые местные жители, целлофановый пакет в этом месте едва ли бы привлёк чьё-то внимание, тем более сверху продукты были накрыты бумагой и завернуты плотно во второй пакет. Ночью Андрей ходил по дороге, день проводил на ближайшей сопке, с которой наблюдал за трассой или спал, зарывшись в листья. Неделя прошла безрезультатно. Хотя он добросовестно бил ноги многие километры, но никого не встречал. Вечером, наблюдая с горы, которую по старой приморской привычке величал сопкой, он заметил проехавшую белую "Ниву". Она скрылась за поворотом, который не просматривался с горы, но так и не появилась на полотне дороги, которое за леском хорошо была видна с сопки. Там был только небольшой лес, по которому пробежал ручеек. Это место часто минировали, и Андрей решил найти подозрительную машину. Как стемнело, он выбрался на трассу и направился к повороту на просёлок, где укрылась «Нива», но, ещё не доходя до него, выйдя из-за поворота, он услышал шум.

События, последовавшие после этого, мы уже описали выше.

Через неделю следователи вновь выезжали на трассу: те же саперы нашли ещё троих убитых чеченцев на дороге и только несколько далее. Один, правда, лежал немного в стороне,

но он, видимо, пытался бежать, но неудачно. А через два дня нашли ещё двоих... После чего трупы перестали появляться на этой трассе, как и мины.

Андрей доложил о происшествии и убитых майору утром. Майор выслушал и обещал перезвонить. Позвонил он только вечером, видимо проверяя его сообщение, и определил ему новое место патрулирования. Он было в километрах тридцати по этой же трассе, так что к нему он добрался только к утру следующего дня.

Обычно минировали участок, проходящий мимо хребта поросшего лесом и не просматривавшегося дальше полукилометра с дороги в ту и другую сторону. Но ему сразу повезло. Он, пройдя на рассвете в намеченный квадрат, присмотрел себе место для днёвки. Ему приглянулась скала вокруг, которой дорога делала петлю и с вершины она просматривалась километра на два-три. На вершине была удобная площадка для наблюдения, образующая небольшой балкончик. На ней росло несколько невысоких кустов, под которыми можно было легко спрятаться. С него дорога была видна в оба конца довольно хорошо, но, поднимаясь вверх по склону, он заметил свежий человеческий след. Это было подозрительно и опасно. Человек направлялся к тому же уступу, куда шёл Андрей. Он подумал, что человеческое мышление шаблонно. Он невольно удвоил осторожность и утроил внимание, но уже ближе к балкону он нашёл обратный след. Сделав полукруг, Андрей нашёл ещё несколько следов примерно недельной давности. Все они вели на облюбованную им для дневки площадку. На ней сейчас не было никого. Это было удачей. Поднявшись наверх, он позавтракал банкой тушенки с хлебом и запил крепким сладким чаем, что сварил вчера днём, и завалился спать, зарывшись в ворох опавшей листвы, что лежала большим слоем под валуном на краю площадки. Когда он проснулся, то увидел идущих вдоль дороги солдат. Они шли по обочинам и внимательно рассматривали гору, где он лежал. Вместе с ними были сапёры, которые осторожно водили перед собой миноискателями, и проводник с собакой.

Неожиданно собака засуетилась, что-то вынюхивая на полотне дороги, остановилась и села рядом с почти высохшей лужей и залаяла. Вокруг неё засуетились люди и стали осторожно тыкать прутьями и разгребать землю руками. Скоро показался фугас, и через бинокль было отлично видно, что это большой снаряд, калибром никак не меньше ста двадцати миллиметров. Один из саперов стал осторожно колдовать над ним. Действие затягивалось, и Андрей решил проверить, откуда приходил незнакомец. Следы были чёткие, и следить было легко. Скоро они вывели его на просёлочную дорогу, где и закончились на небольшой полянке. Там останавливалась легковая машина. Марки он не определил, так как не интересовался автомобилями и тем более протекторами. Машина приезжала сюда неоднократно и останавливалась на ней. Там можно было развернуться довольно легко в отличие от других мест из-за заросших обочин просёлка. Это Андрей определил без проблем, в отличие от марки машины. Он узнал и то, что эта машина не ездила ни разу дальше этой поляны. Сделав полукруг, он нашёл следы, что вели на гору в противоположную сторону от поляны. Поднявшись на перевал, куда те шли, он увидел дорогу. Следы разделились: одни пошли вниз, а другие по хребту. Он предполагал, что они должны закончиться таким же тупиком, каким были и следы, что привели его на уступ. Его предположение оказалось верным: неизвестный вышел на вершину холма и остановился, потоптался и пошёл обратно.

Примерная схема действия этой группы была ясна: приезжали они днём или вечером, останавливались в лесу, а вечером или ночью шли на трассу, где и минировали дорогу, при этом оставляли наблюдателя на вершинах или местах с хорошим обзором. Связь поддерживалась, видимо, при помощи радиации или телефона. В группе было три-четыре человека, он определил три пары следов, возможно и больше, одна машина, так как протектора подъезжавших машин были одни. Он решил проверить все места, куда могла свернуть машина и простоять

там до ночи. Видимо фугасы завозились заранее и оставлялись в придорожных кустах, а ехали налегке, только с шанцевым инструментом.

Спустившись вниз на проселок, он нашёл кострище и развел там же огонь. До пяти вечера он сварил кашу, заправив его обильно тушенкой, накипятил чай и поел с большим аппетитом. Рядом с кострищем валялась пластиковая бутылка, Андрей набрал воды в неё и залил костер, так что со стороны казалось, что его жгли до дождя. Банку из-под тушенки он засунул под корягу и присыпал её землей. На земле возле кострища были заметны свежие следы, несколько подумав, Андрей ещё раз сходил на ручей и полил водой свои наброды. Убедившись, что его пребывание не оставило никаких заметных следов, он решил отдохнуть. Так как после еды потянуло на сон, то он лёг в тростнике за ручьем недалеко от дороги. Проснулся он уже в сумерках. Ничего интересного не происходило. Андрей решил подняться на скалу в надежде, что заметит проезжающую машину. Уже было совсем темно, когда он оказался на площадке. Ничего не изменилось и здесь, только вдалеке горели огоньки селения. Тогда он спустился на дорогу и пошёл дальше по её полотну. Он не надеялся, что встретит на своем пути кого-нибудь. Хотя он по опыту знал, как опасны умственные заключения и как часто расходятся они с жизнью. По логике событий два рейда подряд в одну и ту же точку были маловероятны, но Андрей каким-то чутьем понимал несостоятельность этой версии. Он шёл не спеша, и до полуночи прошёл не больше двадцати километров. Нестерпимо хотелось спать. Он решил покемарить. Слабость и тошнота подступили к горлу, сердце надрывно застучало. Он не стал противиться усталости, свернул с дороги, где завалился в густой бурьян у самой кювета. Проснулся он в часа четыре. Была уже глубокая осень, и до рассвета было ещё не меньше четырех часов. Несмотря на теплую одежду, ноги замерзли и затекли. Необходимо было размять застывшие члены и согреться. Он собрался выйти на дорогу, как услышал гул недалекой машины, и остался на месте, только прилёг в бурьян. Скоро он увидел виновницу тревоги. Машина шла без света и потому двигалась довольно медленно, так что он успел рассмотреть цвет машины, так как у неё всё-таки горели подфарники.

Следующий день он провёл почти в непрерывном поиске съездов с трассы. Их оказалось не так много, но он не успел их все обследовать, так как опасался нарваться на засаду. Так как проезжавшие вполне могли оставить управляемый радиодугас, а это, как минимум один вооруженный человек. Его опасения оказались верными: на фугасе подорвался Урал с ОМО-Новцами, погибло три человека, несколько получили ранения. На следующий день он обошёл кругом это место. В километре от него он нашёл подобный же съезд на проселок, куда поворачивала машина не далее, как пару дней назад. Других следов на проселках не было видно. Эта машина, не поехала далеко, а остановилась за густыми кустами. Признаков пирушки или долгого пребывания людей не было, но под картером набежало довольно много масла, хотя на дороге подтёков его не было заметно. Предположительно, что террористы останавливались здесь прошлой ночью и уехали только под утро.

Нашёл он и лёжку человека, что управлял фугасом. С места взрыва он ушёл пешком через горы и сел в авто уже на другой стороне хребта. Было ясно, что группа эта заезжая, и выследить их будет довольно тяжело. Но видимо эти люди или были слишком жадны или уже потеряли весь страх. Через три дня Андрей заметил вишневую "Ниву", которая проезжала в полдень по дороге. Он увидел, как она притормозила, и из неё выскочило двое. Они вытащили из багажника что-то и спрятали в кустах.

Этой ночью на трассе было убито три человека. Один из них пытался бежать, но расстояние было слишком маленьким, а стрелок, видимо, – слишком опытным. Снайпер незаметно поморщился в темноте после выстрелов, так как не предполагал, что последний из убитых заметит трупы своих сотоварищей на дороге.

Выследить их теперь, было делом простой техники. Он лежал в кустах недалеко от схрона до тех пор, пока не услышал шаги на дороге. Сначала появился один из террористов. Осмотревшись, он свистнул и к нему подошли ещё двое. Постояв немного, один из них пошёл к кустам, где лежал снаряд. Двое других остались стоять на месте. Два хлопка – и двое беззвучно рухнули на землю. Ушедший не слышал выстрелов и не обратил внимания на шум, но, возвращаясь обратно, он увидел их лежащими на земле при полной луне. Сбросив груз, он попытался бежать, но полная луна, позволившая ему увидеть убитых, не позволила сделать и несколько шагов.

Утром он связался с Левченко.

Андрей превратился для Левченко в "Бродягу", по крайней мере, так он числился теперь в оперативных разработках. К обеду об убитых им боевиках было доложено Фоменко, а вечером об этом знал генерал:

– Надо же, – хмыкнул генерал, когда услышал эту новость. Ему, конечно, доложили утром об убитых боевиках при минировании, но из-за текучки и всегдашнего военного напряжения, он не задумался об этом факте, – я думал этот щегол армейский просто выскочка, а глянь, уже выпепил вторую группу подрывников. Никакой подготовки, никаких навыков, а молодец же!

– Он же охотник, – уже менее раздраженно, чем обычно сказал Фоменко.

– Ген, – переходя на более дружеские тона, неожиданно предложил генерал, – у меня тут данные накапливаются на местных милиционеров. Есть тут один наглец, связан с боевиками и контактирует с ними почти в открытую, надо проучить местных, чтобы они не столь вольготно чувствовали на наших хлебах. Воюют же за наш счет с нами и ещё насмеваются. Пусть твой странник пришьёт этого мента и чтобы обязательно с боевиком, хотя бы одним. Потянет этот твой армеец? – и после некоторой паузы, сам и добавил. – Потянет, куды он денется с подводной лодки. Возьмешь данные на этого щелкопера в секретке. Я дам распоряжение.

И уже совсем раздобрев, широко улыбнулся полковнику, сказал:

– Шагай, служи. Где ты такого фраерка откопал, как будто тот всю жизнь воевал?

– Случай, – развел плечами полковник.

– Убийцами не становятся, а рождаются, – скаламбурил генерал. – Учишь, учишь дураков и никакого проку из этого, а на улице просто подберёшь – врожденный киллер. Ему бы ещё хорошую школу, он бы перебил всю чеченскую гвардию во главе с Басаевым. Ладно, шагай. Не забудь о моей просьбе.

У генерала было хорошее настроение. Вообще он был весёлым человеком и притом дельным генералом. С полковником его связывала давняя дружба и совместная столь же продолжительная служба.

Несколько дней спустя в конце колонны, следовавшей из Гудермеса, шёл Уазик фсбешников. На одном из поворотов он притормозил, и в него запрыгнуло что-то лохматое, похожее на лешего. В кабине незнакомец стянул капюшон с головы, но на лице у него оставалась маска. Они о чем-то быстро переговорили с майором, сидящем на заднем сидении, посмотрели карту, по которой тот что-то объяснял одетому в странную одежду человеку, и тот выскочил прямо на ходу на одном из поворотов.

Скоро, буквально через несколько дней, в ближайшем ауле было вновь убиты два боевика и местный милиционер прямо у себя во дворе. Местные побоялись к нему приблизиться, так как пуля, выпущенные откуда-то с окрестной горы, выбили землю прямо из-под ног смельчаков. Зачистка ничего не дала. Попытки найти того, кто стрелял, наткнулась на стену непонимания начальства.

Дом милиционера просматривался с горы невооруженным глазом. Первый день наблюдения ничего так и не дал. Чеченец пришел с дежурства и отсыпался. Ближе к обеду он разговаривал довольно долго с соседом на незнакомом, видимо чеченском, языке, махали оживленно руками и показывали в центр села. Затем он куда-то уходил и вернулся только к вечеру, если с кем-то и разговаривал, то с женой, с чернявой молодкой с красивыми выразительными темными глазами. Она пыталась что-то объяснить мужу, но тот только махнул рукой и вошёл в дом и больше не выходил из него. Вечером Андрей сменил свою позицию, поднявшись чуть выше по склону, облюбовав для своей лежки небольшую яму, заваленную до краёв палой листвой. С новой лёжки двор просматривался лучше, так как ветки деревьев мешали меньше. Когда совсем стемнело, он спустился к ручью и набрал полную фляжку ледяной осенней воды и запил ею холодную тушенку, что съел с хлебом вместо ужина. Уже осень становилась зимой, и потянуло морозным воздухом. От длительного лежания ноги совсем заledenели, так что пришлось немного походить, чтобы согреться, хотя лёжа в засаде, он особенно не замечал холода. Кухлянка и одетая под неё меховая куртка из той же собаки, меховые штаны не давали заочеченеть, но съеденная замерзшая тушенка с холодной водой забирала слишком много энергии. Он решил, что теперь будет держать свои обеды и воду под одеждой, чтобы в следующий раз не стучать зубами. Ночь прошла довольно спокойно, только однажды залаяла во дворе собака. Кто-то шёл по дороге, тяжело шаркая ногами. Но шаги удалялись от дома, и скоро вдалеке хлопнула калитка. Следующий день тоже прошел без происшествий, только вездесущие пацаны прошли совсем рядом с ним, но не обратили никакого внимания на кучу листьев в канаве. Вечером чеченец ушел на дежурство, провозившись целый день во дворе. Очередные два дня прошли так же безрезультатно. Андрей уже стал сомневаться в успехи своей засады, хотя и предполагал, что если и были контакты милиционера с боевиками, то должны быть очень редкими и конспиративными. Провизия уже закончилась, и на следующий день нужно было идти за ней на местную помойку. Майор вновь выбрал её для снабжения его всем необходимым и инструкциями.

Всё это время он питался только консервами и хлебом, пустые банки прятал, вдавливая их под коренья и в ямки, засыпая их землей и листвой.

Он стал изнемогать от безделья и в то же время привык к нему. Лёжа в своей яме, он собирался в это день пойти за продуктами, но поленился. Ему не хотелось писать что-то в донесении к Левченко, так как результатов не было, а марасть писульку на ледяном ветру – дело дерьмовое. Кроме всего прочего, стояла промозглая погода, и так не хотелось вылезать из своего уютного убежища. Находясь в какой-то ленивой полудреме, он сначала не обратил внимания на собачий лай во дворе у милиционера. Но лай был настойчивый. Собака явно лаяла на незнакомое человека и притом, не очень хорошего, в чем собаку трудно обмануть. Чуть приподнявшись, он выглянул. На дворе стоял хозяин и двое бородачей с автоматами. Один разговаривал с ним, второй просто бродил по двору и что-то высматривал. Через бинокль хорошо просматривались его длинные свалевшиеся, грязные локоны и такая же курчавая с проседью борода. Второй был тоже бородач, но, в отличие от первого, пострижен наголо. Первый между тем зашёл за сарай и стал осматривать ближайшую гору. В это время хозяин пошёл за чем-то в дом. Удобнее момента для уничтожения боевиков могло и не быть. Он аккуратно установил перекрест прицела на спину боевика, стоящего за сараем, в то место, где у того должно быть сердце, выдохнул и почувствовал, как холодный приклад обжег ему щеку. Он был на все сто уверен в своем выстреле. Он почувствовал, как винтовка дернулась у него в руке, и бородач медленно стал заваливаться вперёд. Второй, видимо услышав что-то, окликнул его. Не получив ответа, он пошёл за сарай. Ещё не увидев убитого, он почувствовал сильный удар в грудь. Радужные, и красные круги ударили ему в глаза, боль разорвала грудь, он хотел что-то сделать, но все усилия превратились в несколько конвульсивных шагов. Он ещё увидел быстро приближающуюся землю, и сознание в нём умерло вместе с жизнью.

Беззаботный хозяин, выходя, не обратил никакого внимания на шум падающего тела. Решив, что его неожиданные гости зашли за чем-то за сарай. Он быстрыми шагами пошёл к своей смерти, которую ждала его всего в шаге от своего гостя.

Полежав некоторое время Кюйсун, осторожно поднялся на самую вершину горы и лёг на почти открытом месте. Вся дрёма и оцепенение одним мигом прошли. Он вновь был на взводе и готов ко всяким неожиданностям. Двор просматривался полностью только с этого места. Он надеялся, что кто-то из боевиков появится ещё во дворе, но в это время собака, видимо учуяв кровь, взвыла во весь голос. Сначала на крыльце появилась хозяйка и стала ругаться на неё, но та не унималась. Тогда она запустила в неё потрепанным веником, но собак не прекращала выть. Хозяйка пошла за сарай, и Андрей услышал её, вопли, перемешанные с воем собаки. Появились соседи, один из которых хотел поднять убитого милиционера. Эффектным выстрелом он выбил фонтанчик земли рядом с трупами, понаблюдав за общей паникой, отправился на помойку, где на коленке и настрочил рапорт майору, так как связь с ним, кроме этих писуллек просто напрочь отсутствовала.

Менты прибыли на место расстрела милиционера и боевиков часа через два. Невыспавшийся капитан Литвинов из прикомандированных, вылез из Уазика, продрал глаза и пошел во двор Джагоеву. Собака, вывшая до того почти не переставая, вдруг замолкла и забилась куда-то в щель. Пройдя к трупам, он равнодушно посмотрел на убитых. "Странно, – подумал капитан, – местные не забрали боевиков?"

– Кто стрелял? – спросил он столпившихся вокруг него любопытных, впрочем, не обращаясь ни к кому конкретно.

Все заговорили разом, показывая на гору и наперебой говоря о снайпере, что засел там и открыл огонь по жителям. "Вот почему вы побоялись убрать боевиков, – равнодушно подумал капитан. – Интересно, кто это шустрит из наших? Может это фсбешники?"

Он подошёл к эксперту и спросил:

– Как тут?

Эксперт, так же не проспавшийся с ночи, помотал головой, как бы приходя в себя, и сказал:

– Профи, похоже на те случаи на трассе. Три выстрела – три летальных исхода.

– Может быть, их было двое?

– Нет. Это всё тот же парень. Стрелял из бесшумки. Сначала скараулил того лохматого, когда тот зашёл за сарай. Второго убил, – эксперт кивнул на лысого бородача, – когда он пошёл искать лохматого, хозяин был третий. Тоже, видимо, искал гостей. Уложил наповал. Убийца – профи. Не из наших. Видимо из московских. Стрелял вон с той горы. – Эксперт кивнул в сторону склона, что возвышался прямо за усадьбой чеченского милиционера. – Наверно из афганцев или из спецов. К тем на трассе подошёл вплотную, этих расстрелял, как котят, хотя и те, а, особенно эти, мужики матёрые. Кюйсун какой-то.

– Ладно, – сказал капитан, – пойдём, посмотрим, где там он караулил Кюйсун твой.

– Возьми собаку, – сказал эксперт, – если он профи, то ты там будешь полдня ползать на брюхе, прежде чем что-то найдете там. Зря, что ли псину тащили с собой?

– Вась, – обращаясь к кинологу, сказал Литвинов, – пошли, глянем, что там есть, крикни ещё постовых. Может чего и надыбаем.

Он стал подниматься по склону горы, остальные, отставая, последовали за ним. Собака, радуясь, натянула поводок. Капитан шёл, внимательно осматривая всё вокруг. Ничего подозрительного не было видно. Одни листья да камни. Ни примятостей, ни гильз, ни остатков еды, ни окурков не было. Неожиданно собака завертелась возле камня, рядом с которым была наметена целая куча листа. Сама куча не вызывала ни малейшего подозрения: ни примятостей, ни перевернутого сырого листа не было заметно. Собака стала рыться под ближайшим деревом

и скоро вытащила пустую банку из-под тушенки, которую тотчас стала вылизывать. Кинолог отобрал банку у собаки и подал ее капитану. Тушенка была свежая. "Явно снайпер лежал за этим камнем", – лениво подумал капитан. Собака нашла ещё две банки и взяла уверенно след.

Андрей услышал шум погони метров за пятьсот от своего первоначального входного следа. Лёг он почти прямо над ним, но выше по склону из-под ветра, рядом с перевалом, чтобы можно при случае уйти незамеченным. Так часто поступали звери. Он однажды следил старого, жирного медведя – муравьятника, который шёл в берлогу, проходя не более километра за раз, всегда ложась над своим следом. Он тогда так и не взял его, спугнув того в берлоге на подходе.

Первым шёл кинолог, за ним бежал капитан, погоны которого хорошо можно было рассмотреть через оптику прицела, последними тащились милиционеры с автоматами.

Кюйсун не хотел, чтобы его писулька попала в чьи-либо чужие руки, кроме Левченко, поэтому он выцелил несколько впереди бегущей собаки и нажал на курок.

Фонтанчик пыли и камней неожиданно брызнул перед самым её носом и ударил по морде. Взвизгнув, она отпрянула в сторону, потянув за собой вожатого. Бежавшие за ней милиционеры на мгновение опешили, но тут же грохнулись на землю, забиваясь под камни.

– Откуда стреляют? – спросил капитан. – Успокой ты собаку Васька, а то всех перебьют под запарку.

Кинолог уже пришел в себя, и тоже спрятался за большой камень и подтягивал к себе испуганную псину, стремившуюся куда-то бежать.

– Откуда-то сверху, – ответил тот же Васька – кинолог, уже успевший немного прийти в себя и затащить упирающуюся собаку в укрытие и теперь гладивший её, держа на коротком поводке. – Это наши. Блин, что за ним гоняться, пока он в нас шмалять не начнёт. Капитан, какого чёрта ты за ним поперся? Ты видел, как он тех чеченов кончил? Если бы он захотел, то и нас перебил всех, а не стал перед собакой стрелять.

– Может это чечены? – огрызнулся Литвинов, – Отползайте осторожно, этот парень опасен, как чёрт.

Упрашивать второй раз никого не пришлось. Пятясь, как раки и резво перескакивая от камня к камню, преследователи покатались вниз по склону. Впопыхах никто не заметил, как кто-то осторожно поднялся недалеко от перевала и исчез за ним. Всё было ясно: не очень настырный и умный мент не будет его больше гонять по горам, но он вновь сделал петлю и лёг над своим следом, так же почти на хребте.

Ночью он ушёл на противоположную сторону аула, где ещё несколько дней назад, при обходе, обнаружил натопанную тропу, шедшую по крутякам, где он присмотрел ещё в прошлый раз яму между камней, которая была наполнена до краев палым листом. От тропы она была в метрах пятидесяти, так что его нельзя было случайно заметить, да и не всякая бы собака его учуяла на таком расстоянии.

Литвинов возвратился из погони взъерошенным и злым. Подойдя к эксперту, уже закончившему свое дело и курившему, в ожидании начальника и отправки трупов.

– Ты прав, – сказал ему капитан, – этот парень нам чуть башку не снёс.

– Снёс бы, – невозмутимо сказал эксперт, – если бы он это захотел. Какого чёрта ты за ним поперся? Тут, кстати звонил Левченко из ФСБ, так посоветовал сильно не стараться. Этот мент был у них давно на крючке. И мальчик с пушкой – их мальчик.

– Как ты его обозвал? Чёрт какой-то?

– Кюйсун, это я у Арсеньева вычитал. Это типа лесного духа или лешего, – ответил начитанный эксперт.

Эти люди бы сильно удивились, когда в разговоре между собой, местные произнесли второй раз это прозвище: Кюйсун, но уже как имя собственное...

Через неделю местные нашли ещё троих убитых. Они лежали на тропе, пули вошли в спину. Хотя они были вооружены, но ни один из них даже не успел выстрелить. Боевики эти были опытные, и это местным особенно показалось странным. Оружие при них не было, хотя утром они уходили с автоматами и продуктами для скрывающихся в горах чеченцев. Обеспокоенные женщины послали на базу трёх пацанов с провизией, но они вернулись страшно напуганные. База была разгромлена, пять искореженных трупов лежали в землянке. Оружия при них тоже не было. На несвежем снегу местные охотники нашли странные следы, оставленные огромной лохматой лапой. Было ясно, что это дело должно быть делом рук человеческих, скорее всего деянием целого подразделения, но никто из местных не видел там следов грубых солдатских сапог или иной обуви. Зверь бы задрал одного, много два человека, да и то если бы был ранен, но землянка была разворочена мощным взрывом, что можно отнести только к работе людей, но следов этих самых человек на земле не было, а люди могли летать только на вертолетах или на иных приспособленных для этих целей аппаратах, но ни ракет, ни пребывания десанта, ни осколков бомб не было видно, только следы невиданного зверя, пришедшего неизвестно откуда и ушедшего в горы, не в долину, где его следы потерялись. Скоро пошел слух про горного духа. Верили и не верили. Кроме того, вездесущие пацаны, ходившие в лес за дровами, видели огромного, странного медведя, что шёл по склону одной из гор. Заметив их, он перевалил через хребтик и исчез. Один из пацанов утверждал, что видел у того винтовку с набалдашником на стволе, но ему не верили.

Ночью пошёл снег, но сильный ветер сносил его со склона и намел над ним большой сугроб. Он лежал в своем убежище трое суток. На него напала какая-то апатия. Ему не хотелось ни вставать, ни шевелиться, ни думать. Он ел один раз в день, согревая консервные банки и хлеб под одеждой. Концентраты он грыз сухими, заедая все это снегом и дрожа, как паралитик, в своем убежище от озноба. Голоса на тропе вывели его из этого полубморочного сомнамбулического состояния. По тропе шло трое боевиков. Они были при оружии и тяжело нагруженные, так как ляжки рюкзаков глубоко врезались в одежду, да и поднимались они с натугой, хватаясь за кусты и ветки, заваливаясь назад, когда кто-нибудь оступался.

Когда боевики прошли, он с трудом поднялся. Его шатало от слабости, голова кружилась, а затекшие члены не слушались. На месте лежки образовалась снежная дыра, но то, что там лежал человек, было трудно определить.

Выйдя из-за перевала, он не сразу заметил оторвавшихся от него боевиков. Те забрали несколько выше и шли почти под вершиной горы. Особой осторожности они не проявляли, да и вертеться с таким грузом, идя по горам, было трудно. Скоро они скрылись за уступами скалы.

Нервное напряжение восстановило реакции, а подъем – кровообращение, хотя слабость слегка ощущалась. Он довольно быстро, за несколько минут, достиг того места, где скрылись вооруженные люди. Осторожно выглянув, он тотчас увидел и их. Они спустились вниз по склону и преодолевали большой овраг, затем полезли на противоположный склон. Прячась за деревьями, он продолжал за ними следить, держась всего в полутора сотнях метрах от преследуемых. Местность позволяла это делать: кругом стояли старые мощные деревья. Он точно так же скрадывал коз совсем недавно. Табунок шёл по противоположному склону горы в метрах восьмистах... Он по привычке делал то же самое, что и тогда, но боевики шумели, как стадо кабанов, шурша промерзшими листьями на всю округу. Они бы не услышали и себя, не то, чтобы слышать его осторожные шаги. Километра через три, в одном глухом ущелье, их окликнули. Скоро появился и человек, который сидел чуть выше по склону за камнями. Если бы тот не окликнул шедших, то Андрей точно бы угодил под его выстрел. В душе у него похолодело и запершило в горле, он сглотнул слюну и попытался успокоиться. Это не совсем удавалось, всё равно во рту стояла горькая сухость. Говорившие не замечали его по-прежнему. Он осторожно

попятился назад, спустился в овражек, скорее небольшую промоину, быстро поднялся по ней и вскарабкался на гору, обойдя опасное место выше лёжки часового. С горы хорошо были видны разговаривающие боевики. Часовой, видимо наскучив одиночеством, часто и эмоционально жестикулировал. Иногда долетали обрывки фраз. С того места, где находился Андрей, хорошо просматривался только один склон, а с места, где сидел часовой, видимо прилично можно было контролировать оба склона. Скоро троика пошла дальше, а часовой возвратился на свое место за камнями. Здесь где-то рядом находилась база боевиков, за это говорило и то, что кое-где были заметны свежие пеньки, которые были замазаны землей, но не на столь тщательно, чтобы скрыть это от опытного взгляда.

Боевики прошли вниз по склону, спустились в овражек и исчезли в нём. На противоположном склоне они не появлялись. Где-то в нём и был схрон. Возможно, у боевиков был второй часовой, который мог находиться на противоположном скате горы, с которой можно столь же успешно охранять подступы к базе.

Поэтому он и не решился идти дальше. Он выбрал место за камнями и осторожно перебрался туда.

Вечером часового сменили. Сменили и второго, о котором Андрей только догадывался. Он находился, как и предполагал Андрей, на противоположном склоне. Сменщик оказался ленивым и тотчас, как пришёл, забрался в камни и уснул в обнимку с автоматом. Второй оказался или более деятельным, или мерзлявым, но он постоянно мелькал на самой вершине, пока не устал и не успокоился, притулившись где-то в кустах.

Трое пришедших ушли обратно под вечер. Выходило откуда-то из оврага ещё двое. Они собирали дрова и срубили два небольших деревца, которые тут же распилили на чурочки. Ближе к ночи оба часовых ушли, и Андрей перебрался в овраг, где заметил большую вымоину в стене ещё днем. Над ней свисали корни деревьев. Он уместился в ней с трудом, даже пришлось несколько расширить её и углубить в стену, насыпав стеночку впереди. Но она по-прежнему оставалась тесной и, чтобы повернуться в ней, приходилось упираться головой и ногами в стену.

Уснул он часа в два, но перед этим он едва не встретился с аборигенами обитателями этого оврага.

Часов в одиннадцать недалеко от того места, где он предполагал дверь в землянку, послышался скрип. Андрей находился снаружи и, протиснувшись в узкий лаз в громоздкой одежде, он бы не успел. Он просто поднырнул под нависшие корни и замер. Лохматая одежда несколько скрывала очертания фигуры, а свешивающие корни создавали тень, но луна стояла спелая, и рассмотреть его было вполне под силу человеческому взгляду. Но вышедший по нужде чеченец сначала мало обратил внимания на странную тень под корягой, но затем стал присматриваться, но не заметил движения и не распознал человеческой фигуры. Андрей, инстинктивно продолжал стоять без движения, хотя убить боевика он мог бы легко, но о дальнейшей схватки тогда бы пришлось ещё подумать. Дотянуться до винтовки незаметно было сложно, а выстрел из пистолета наделал бы шума. Неясно было и то, сколько боевиков могло находиться в землянке и есть ли ещё из неё выход.

Боевик же ничего не заподозрив, вновь вернулся в землянку, горбатясь пролезая через то ли лаз, то ли дверь, через который Андрей даже успел рассмотреть ряды нары и спящих на них людей.

С этого момента спасти этих людей не могли: ни бог, ни случай и ни они сами себя. Они были отданы в жертву злобному богу войны. Андрей даже знал, как это будет, и ни на секунду не сомневался в успехе этого дела.

Забравшись в нору, он нагреб на одежду земли и обрушил часть потолка на капюшон. Земля придавила шкуру, и стало теплей, но встреча будоражила нервы, и он не сразу уснул.

Проснулся он, когда уже совсем рассвело. По склону кто-то ходил, так как шуршал под ногой подмерзший лист, и потрескивали сучки. Скоро послышались удары топора и шарканье пилы. Примерно через полчаса в овраг спустился человек с охапкой дров и затащил их в землянку. Минут через десять потянуло дымом, который струился из пенька над самым обрывом. Этот пенёк было трудно заметить сразу, и дым стягивало в сторону от землянки. Примерно через час пошла смена часовых. Вернулись так же двое. Видимо то, когда их выставили, Андрей проспал. Во второй половине вышел чеченец, в котором он узнал своего вчерашнего знакомого по ночным гляделкам. Он внимательно посмотрел в его сторону, но подходить не стал.

Позднее подтянулись ещё двое. Это были, по-видимому, взрывники, так как остановились и разгрузили свои рюкзаки на улице. Андрей хорошо разглядел бруски, похожие на хозяйственное мыло. Они тут же открыли схрон и сложили взрывчатку туда, так как оружие занесли с собой в землянку. По темноте так же снялись часовые, видимо не опасаясь ночного нападения.

Андрей довольно легко нашёл схрон. У него было всего две гранаты, а чтоб гарантировано разнести эту халупу, этого было явно недостаточно. В нём был целый ящик взрывчатки, гранаты бикфордов шнур и ещё что-то, что Андрей в спешке не рассмотрел. С гранатами он провозился дольше, чем он думал. Пришлось выскрести ямки по бокам взрывчатки ножом, зато снаряды оказались внушительными и не мешали спусковым скобам гранат. Получилось три гранаты с навязанными на них брикетами тротила. Эта штука могла в пух и прах разнести гарантированно любое строение подобного типа. Теперь нужно было просто ждать. Час за часом тянулся медленно, но никто не высовывал своего носа из убежища, хотя по его подсчетам в нём должно быть не менее пяти человек. Он стал даже коченеть, так что пришлось привстать и тихо размять руки и ноги. Наконец, совсем неожиданно для него, открылась беззвучно дверь, и в неё вылезло двое. Они его не заметили, так как он стоял за деревом. Когда они отвернулись друг от друга в разные стороны, он быстро выстрелил дважды, не прицеливаясь в грудь. Первый упал навзничь. Второй же сделал два шага и только после этого упал, но затем попытался ещё подняться, но уронил голову и забился в конвульсиях.

Андрей спокойно открыл дверь и как шары в лузу с силой забросил вовнутрь две свои самодельные бомбы. Предохранительные скобы звонко звякнули обо что-то и отлетели, и он, уже отстранясь от входа, увидел, как одна из них закатилась под нары, а вторая завертелась на полу недалеко от входа. Он не успел добежать до уступа, когда внутри грохнуло во всю мощь. Его отбросило на дно оврага и сверху посыпалась всякая дрянь. Он заполз под поваленное дерево. Саднил бок, который он ударил при падении. Сверху скоро перестало валиться. Держась за ушибленное место, он осторожно подошел к воронке, что образовалась на месте землянке. Спустившись вниз, он нашёл там только искореженное дерево, обрывки материи, брызги крови и части тел. В этой мясорубке было очень трудно выжить, он сначала решил запустить туда и последний не использованный свой снаряд, но передумал и обрезал шнур, что держал гранату. Этой же ночью он оказался на прежнем месте рядом с тропой, откуда ушёл за ними к базе. Дул чувствительный ветерок, и скоро надул над ним новый сугроб.

Снабженцы появились только на третий день. Они были тяжело нагружены, потому шли, почти не оборачиваясь. Последний из шедших, ткнулся в землю почти рядом с предпоследним на склоне. Шедшие впереди даже не заметили этого. Когда упал второй, то идущий впереди обернулся только для того, чтобы встретить свою пулю грудью. Он же попытался встать, так что пришлось его добить выстрелом в голову, так как папаха с него слетела, и чёрная голова лучше всего просматривалась с его стороны. Чёрная на белом снегу.

Вид смерти давно не производил на него должного впечатления, но кровь, разбрызганная по белому снегу попережку с кусками мозгов, вызвало в Андрея легкую тошноту. Он брезгливо перевернул убитого и убедился только в том, что не совсем точно попал в сердце, при повороте бандита. Он распорол окровавленный рюкзак и вытащил из него хлеб и банки консервов, пачку чаю, соль. Из других рюкзаков он так же взял только хлеб и консервы, чай

и сахар и соль. В одном из них было и соленое сало. Он тут же отрезал приличный его шмат и с жадностью съел.

Вечером он написал донесение Левченко о происшедшем, но не стал брать продукты и остался дожидаться дальнейших распоряжений.

Трое бородачей с автоматами с ними один безбородый в папахе и толстый милиционер стояли на спуске крутой горной дороги на окраине аула и о чем-то весело разговаривали. Неожиданно один из боевиков вскрикнул и стал заваливаться. Двое других упали молча. Опешивший безбородый в папахе стал лапать кобуру с пистолетом под левой рукой. Пуля пробила ему легкие наискосок, едва не задев сердца, сверху в низ. Он упал лицом вниз, ощутив только то, что падает куда-то и, увидев только летящую на встречу с ним землю, ощутил тупой удар и потерял сознание. Милиционер был убит на склоне, по которому он кинулся, было бежать со страха.

Подоспевшие боевики и местные милиционеры открыли беспорядочный огонь по склону, на котором никого уже не было. Кюйсун уже давно шёл по едва заметной тропе на противоположном скате горы, ступая по обветренному от снега склону так, что практически без собаки его нельзя было бы найти. Преследовать его никто не решился.

У него была уже хорошая репутация чёрта.

Взбешенный Левченко брызгал слюной и возбужденно махал руками:

– Ты знаешь, что убил главу администрации аула, да ещё и милиционера?

– Нет, – устало ответил Кюйсун. Он хотел спать с мороза и после плотной еды.

– Ты что не видел в кого стрелял?

– Почему. Там было три боевика, один гражданский и милиционер.

– Ты уверен?

– Если ваши криминалисты не знают, сколько крови может быть в одном человеке, то пусть поучатся ещё немного. Считать до пяти я научился еще в первом классе. Не велика наука. Боевики их просто унесли.

– Ты уверен?

– Я этого в папахе несколько раз видел в обществе боевиков. Они все там повязаны друг с другом. Поищите на кладбище, там должны быть свежие могилы.

– Если что будет не так, то ты пойдешь под суд.

– Я зря не стреляю, – лениво огрызнулся Андрей.

– Ты что, собираешься ещё их судить?

– Я не господь бог, а единственный способ избавиться от этих людей, которые помешаны на крови, – выбить их как волков. Если вы не поняли это, то ещё будете долго нянчиться с ними.

– Какой ты умный, однако, – Левченко уже стал успокаиваться. – Ты наворотил дел и с такими взглядами на жизнь тебе место не в органах, а на улице.

– Я не мент, а охотник.

– Заметно. Как тебя ещё не убили?

– Я охотник, а Вас на моем месте просто не может быть.

– Ты, гавнюк, и в органах у меня точно не будешь работать, – Левченко вновь начал закипать, натываясь на холодное, насмешливое равнодушие этого загадочного старшего лейтенанта. Теперь он стал понимать, почему Иващенко избавился от этого высокомерного выскочки, но впервые за много лет в его душу просочился холодок страха.

– Майор, вам следует извиниться.

– Я ещё перед всяким дерьмом не извинялся, – майора был взбешен.

– Майор, бесплатный совет: не попадайте ненароком в поле зрения моего оптического прицела. Ты не тот десантник, у которого я в последний момент заметил голубой шеврон. Пусть его мама поставит богу свечку за это.

Холодные глаза смотрели чуть насмешливо на майора. Он был не из робкого десятка, но ему стало страшно. Он понял, что этот человек выполнит свое обещание, если захочет этого.

– Сдай ты этого строптивца чеченцам, – сказал генерал полковнику Фоменко. – Нет человека – нет и проблем. Он же всё в армии числится? Там и спишут. У Хасана давно на него зуб, да и кровники денег за него отвалют. Думай, полковник. Думай. Шибко строптив малый и не сможет в системе работать.

– Ладно, подумаю, – как всегда угрюмо буркнул Фоменко.

– Ты говоришь, что сдашь нам Кюйсуну, – мрачно сказал Хасан капитану, сидящему против него. – Я деньги на воздух не выбрасываю. Это не человек.

– А кто же?

– Это дух гор, так говорят старики. Он забирает только самых грешных. У меня нет лишних денег, а тем более никто не решится, как Магомед, искать свою смерть. Иди, так и скажи своим людям. Это не человек-это шайтан.

– Ладно, – сказал араб, несколько подумав, – я тебе заплачу столько, сколько ты просишь, но только после того, как я его убью.

– Нет, – ответил капитан, – ты не заплатишь ни гроша, если его убьешь. Дашь двадцать штук долларов, тогда я скажу, где и когда оставляют ему еду и патроны.

– Это слишком большие деньги, мои люди не найдут столько.

– Хорошо, пять тысяч, но только сразу, – у капитана было задание "сдать" строптивца и за сколько это он сделает, не имело большого значения. Он просто выполнял задание, и ему было безразлично, почему вдруг начальству пришло уничтожить этого бойца. Он был человеком системы и, как всякий человек системы, не терпел одиночек, тем более одиночек, которые были успешней, чем сама система.

– Встретимся завтра, – сказал Хасан задумчиво, – я переговорю со своими людьми.

– Иса, – сказал Хасан вечером, спокойному полноватому сероглазому чеченцу, очень мало походившему на своего брата Магомеда, но вообще на чеченца, – русские предлагают голову этого, как Куйсюна за пять тысяч баксов. Он убил у тебя брата и многих твоих родственников убил.

– Я найду эти деньги до завтра.

– Я могу помочь с деньгами.

– Не надо, – ответил гордый чеченец, – это моё дело.

Место для передачи было выбрано Левченко очень неудачно: это была долинка совершенно безлесая. Она простреливалась со всех сторон и, ко всему прочему, туда никто не сваливал мусор. Андрей уже не доверял Левченко, а здесь явно пахло подставой. То, что этот фсбшник его запросто мог сдать чеченцам, он как-то не сомневался. Он не был их человеком и, кроме того, выходил из рамок понятий Левченко

Андрей, по своему обычаю сделал большой круг, но следов ни входных ни выходных он не обнаружил. Единственно откуда могли зайти боевики, была дорога, а лучшим местом для снайпера была гора, расположенная напротив этой долилки. Андрей обошел долинку и взобрался на самую вершину. Осторожно выглянув из-за камня, он осмотрел склон. Ничего, казалось, подозрительного на нем не было, но только поднятый и не улежавшийся лист вызвал в нем подозрение. Он стал проследивать в бинокль след и скоро нашел то, что искал. Человек

лежал на небольшом балкончике. Если бы не бинокль и то, что Андрей находился несколько выше и правее его, то он бы едва бы увидел боевика. Тот, видимо, караулил давно, так как сидел, съжившись, в позе замёрзшего человека. Стрелять было неудобно, поэтому Андрей сполз с вершинки и, пройдя несколько левее её, тихо подполз к намеченному ранее камню. Теперь снайпер представлял многоудобную цель. Он был виден весь и не далее, как за пятьдесят метров. Андрей не стал тянуть с выстрелом, хотя боевик, похоже, спал сном праведника. Щелчок выстрела из безшумки прозвучал не громче, чем выстрел из воздушки. Голова чеченца дернулась и вернулась в прежнее положение. Андрей уже точно знал, что Левченко продал его. Кроме того, он ещё точнее знал, что снайпера должны подстраховывать люди.

Первый был убит, когда вылез из своего логова за камнем на противоположной стороне дороги по нужде. Он только ткнулся носом и застыл в неестественной позе за камнем, даже не задергался при этом. Для верности он послал ещё пулю в уже недвижимое тело. Второго выдал огонек сигареты.

Андрей не был уверен, что выбил всех, но у него кончались патроны к винтовке, и он решил забрать пакет, что был оставлен ему. Надев пинетки, он прокрался по вымоине до него и таким же маршрутом покинул опасное место.

– Хасан, Иса не вернулся, – доложили полковому командиру утром. Когда прибыли на то место, где предполагалась засада, то нашли только три трупа и никаких больше следов. Иса сидел, как живой, только маленькое отверстие в голове и следы крови на камнях говорили об обратном.

– Хасан, – сказал ему Руслан, правая рука и помощник, – надо уходить отсюда, скоро все здесь погибнем.

– Ты тоже думаешь, что это горный дух?

– Не знаю, надо у стариков спросить.

– Мы уйдем, но нас зовут в Грозный, мы его брать будем.

Если бы Андрей знал, что происходило сейчас, то немедленно бы уходил из этого района. Убитые боевики были обнаружены в тот же день. Уже вечером об этом стало известно полковому командиру Хасану. Несколько раньше он узнал о разгроме базы. Магомед Харзаев, у которого был убит брат, поклялся найти и убить его. Старый браконьер Ахмед Сакаев ходил по следам и сказал, что Кюйсун никуда не ушёл и находится рядом с аулом.

– Что будем делать? – спросил Хасан, когда все собрались в землянке. – Этот ваш Кюйсун скоро доберется и до нас.

Все молчали. Хасан несколько подумав, снова спросил:

– Что это значит Кюйсун?

– Бес его знает, – с заметным акцентом сказал Ахмет, – я сам слышал, как следак так его назвал. Видимо кличка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.